

В Китае есть пословица: «Подозреваешь соседа в краже топора» (когда предвзятость заставляет видеть вину во всем). И Линь Сань сейчас был именно в таком состоянии: «Подозреваю Цюцю в безумии». Поэтому в быту он подсознательно наблюдал за мальчиком.

Наблюдал, наблюдал — и ничего не высмотрел. Сяо Цюлай был абсолютно нормальным. Нет, правильнее сказать — он был настолько послушным, что сердце щемило.

Несмотря на инвалидность, он вполне справлялся с собой, в будни был немногословен, но характер имел кроткий и покладистый. Его обожали все домашние, включая золотистого ретривера. Постепенно Линь Сань начал думать, что сам себя накрутил. Как такой волевой и добрый ребенок с ограниченными возможностями может быть воплощением зла! Наверняка он ошибся!!!!

Чувствуя вину, Линь Сань в этот день сам подошел к Сяо Цюлаю и сказал, что хочет подарить ему подарок.

— Не знаю, что тебе нравится?

Сяо Цюлай застенчиво улыбнулся и признался, что очень завидует брату Синчэню, у которого есть свой питомец. Линь Сань тут же отозвался: «Ты тоже можешь завести кого-нибудь! Зверушки такие милые, и одиночество разгонят, и на душе станет спокойнее».

— Кого бы ты хотел?

Сяо Цюлай уставился на Линь Саня своими большими черными глазами и произнес:

— Змею.

Линь Сань: — А?

— Нельзя? — Мальчик внезапно принял робкое выражение лица. — Вы посчитаете меня странным ребенком?

Змею? Линь Сань задумался, а затем опустил голову, задумчиво глядя на него. Сяо Цюлай смотрел на него в ответ. Честно говоря, он с нетерпением ожидал следующей реакции мужчины. Однако —

— Ты определенно Слизеринец!

Сяо Цюлай застыл:

— Что такое Слизеринец? (В этом мире не было «Гарри Поттера»).

— Группа четких пацанов, владеющих магией.

Линь Сань сразу же согласился на просьбу мальчика и в эти выходные лично отвез Сяо Цюлая на рынок домашних животных в пригороде.

Место было внушительным: здесь собрали почти все виды питомцев, доступных на рынке, так что даже выбор довольно редких рептилий был немалым. Странно было лишь то, что ребенок всю дорогу не проявлял особого энтузиазма, казалось, он даже пребывал в каком-то унынии.

— Нечасто встретишь ребенка, которому нравятся такие хладнокровные существа, — с любопытством заметил хозяин лавки со змеями. Услышав это, Линь Сань громко рассмеялся:

— Мой сын — личность индивидуальная!

Сяо Цюлай, сидя в инвалидном кресле, лишь слегка поджал губы и промолчал.

В итоге они выбрали недешевый экземпляр — чисто-белого маисового полоза.

Линь Сань настойчиво предложил:

— Можешь назвать её Бай Сучжэнь (героиня легенды о Белой Змее).

Сяо Цюлай: «...» Это самец. Почему-то он стал выглядеть еще более угрюмым.

Сяо Тинлань был очень занят. Целыми днями его не было видно, из-за чего одинокий муж постоянно куковал в пустых покоях. В итоге вся тяжесть заботы о Тунь-туне легла на плечи Линь Саня.

Характеры отца и сына «совпали» идеально: один обожал ластиться и обниматься, другой — когда к нему ластятся и обнимаются. Поскольку они взаимно удовлетворяли психологические потребности друг друга, их отношения были необычайно крепкими. В свободное время Линь Сань таскал Тунь-туня повсюду: парки, зоопарки, детские площадки — места, куда Сяо Тинлань никогда бы его не повел. Линь Сань прокатил его на всём: от «Бешеных мышей» до водных горок, от каруселей до «Чайных чашек». Они даже сходили на семейную фотосессию. Один из снимков в крутом «стрит-стайл» образе Линь Сань даже увеличил до метрового плаката и повесил на стену дома.

Так что этим вечером, когда Сяо Тинлань, измотанный, поспешил домой, он застал картину: отец и сын спят в обнимку. Настоящая идиллия! Один спал, раскинувшись звездой, другой пригрелся у папочки на груди, пуская слюни во сне. Глядя на это, Сяо Тинлань вдруг почувствовал головную боль, и в глубине души непроизвольно шевельнулась тревога.

Тунь-тунь... он ведь не унаследовал характер этого парня, верно? Оболочка маленького принца, а душа — деревенского мужика. Пока молчит — милый пай-мальчик, а как откроет рот...

НЕТ!!! Нельзя об этом думать!

Он ни за что не позволит сыну стать подобием Линь Саня.

При этой мысли Сяо Тинлань резко вскинул руку и с силой... выкрутил кое-кому ухо.

Внезапно атакованный, Линь Сань резко открыл глаза:

— Твою ж... не щипайся, не щипайся! Ты чего творишь, мужеубийство замышляешь?!

«Именно тебя и прибью!» Сяо Тинлань холодно фыркнул.

Видя, как мужчина шипит от боли, но всё равно не смеет крикнуть в голос, боясь разбудить ребенка, он почему-то разозлился еще сильнее! Хотя Линь Сань не понимал, с чего жена взъелась, в такие моменты лучше было сразу «сдаваться». Воспользовавшись паузой, пока Сяо Тинлань с ледяным лицом ушел умываться, Линь Сань тихонько метнулся на кухню и ловко приготовил миску лапши Янчунь.

— Опять выпивал, да? — За столом Линь Сань подал палочки «Императрице», не удержавшись

от ворчания. — Прекрасно ведь знаешь, что желудок слабый, а всё равно пьешь на приемах.

Сяо Тинлань промолчал, но лапшу ел весьма элегантно. А затем на дне миски обнаружил яичницу — в форме сердечка. Слегка скривился от пренебрежения... и яростно её сжевал!!!

После ночного перекуса время перевалило за полночь. Почистив зубы и умывшись, супруги приготовились ко сну. Они заняли главную спальню, а Тунь-тунь спал в соседней комнате.

Сяо Тинлань спросил:

— Почему не идешь к своему драгоценному сокровищу?

— Так я уже с ним! — Линь Сань с улыбкой поцеловал его в щеку.

Сяо Тинлань: «...» В плане бесстыдства этот тип по фамилии Линь определенно не имел себе равных.

Пока Сяо Тинлань думал об этом, он незаметно согнул колено и легонько подтолкнул его вверх. Поняв намек в ту же секунду, Линь Сань сверкнул глазами, обнажая «хищные клыки». Мгновение спустя воздух накалился, а аромат феромонов густо разлился от них обоих. Впившись губами в шею партнера, Линь Сань не удержался от вопроса:

— Я давно хотел тебя спросить...

Сяо Тинлань тяжело выдохнул:

— Что?

— Чем я пахну?

С тех пор как он узнал, что в этом мире есть альфы и омеги, Линь Сань в спешке подтянул знания, в том числе и о запахах феромонов. К примеру, Сяо Тинлань пах удом и ладаном — ледяной аромат, чистый как снег, но очень приятный. А вот свой запах Линь Сань не чувствовал, поэтому ему было любопытно.

Насколько он знал, альфы обычно пахнут табаком, кедром, сандалом, мятой, лимоном или ромом, виски, бренди... Линь Саню было очень интересно, какой же он в восприятии Сяо Тинланя.

— Ну скажи, скажи же...

— Руки... отпусти.

— Скажешь — отпущу. Ну же, дай мне ответ.

Сяо Тинлань: — ...Тем самым запахом со второй полки холодильника, который ты любишь тайком хлебнуть пару глотков, когда нечего делать.

Вторая полка холодильника? — Эрготоу (китайская водка)?!

Линь Сань мгновенно сник. Ну вот, этот запах звучит совсем не престижно!!!! То ли от разочарования этим ответом, то ли еще от чего, но Сяо Тинлань почувствовал, как кое-какая часть тела мужчины, только что полная жизни, почти мгновенно обмякла.

И верно — Линь Сань удрученно забормотал: — Эрготу и ладан вообще не сочетаются.

Одно — ширпотреб с полки супермаркета за четыре юаня, другое — редчайшее и дорогущее благовоние.

Это было не просто «неподходяще», это было, как если бы «Несоответствие» постучало в дверь к своей мамаше — Несоответствие в высшей степени.

Лицо Сяо Тинланя потемнело. Его не волновал вопрос запаха, но его очень волновал вопрос твердости!!! Ты всё еще внутри моего тела и смеешь обмякать? Кого ты пытаешься этим унижить!

Влепив ему звонкую пощечину, раскрасневшаяся «Императрица» с влажными глазами сурово прикрикнула:

— А ну соберись!

«Инь... какой злой... этот мужчина явно заботится только о своем удовольствии, а на чужую жизнь ему плевать». Черт, надо дать сдачи!!

Сухие и грубые ладони Линь Саня мертвой хваткой впились в талию Сяо Тинланя. Плевать, насколько твое благовоние дорогое, раз попал в руки к моему «Эрготу», подходить или не подходить — не тебе решать, будешь соответствовать как миленький!

В три часа ночи малыш Тунь-тунь сонно открыл глаза. Он захотел писать. Но где люди? Где его любимый папотька? Почему папотька, который перед сном играл с ним в «лошадку» и бой подушками, исчез???

На огромной кровати остался лишь одинокий Тунь-тунь и гигантский плюшевый заяц — этот трофей Линь Сань выиграл в тире в парке аттракционов. Как и большинство детей в этом возрасте, обнаружив себя в комнате в полном одиночестве, Тунь-тунь мгновенно поддался неконтролируемому чувству страха. И неважно, что горел ночник — это не помогало!

Так что Тунь-тунь, которому всё еще хотелось в туалет, молча сполз с кровати, нащупал свои тапочки-уточки и, со слезами на глазах, пустился в нелегкий путь на поиски отца!!!

В соседней комнате битва была в самом разгаре.

Сяо Тинлань: — Ты... ты... слышишь какой-то... звук?

Линь Сань: — Слышу. Твое дыхание и сердцебиение — они такие громкие.

— Нет, — Сяо Тинлань внезапно напрягся. — Это плач.

Тело Линь Саня, покрытое каплями пота, мгновенно одеревенело. Супруги невольно переглянулись. Неужели это...

За дверью Тунь-тунь, всхлипывая, колотил в дверь маленькими кулачками:

— Папа! Папотька! Почему вы не открываете Тунь-туню? Я слышу, что вы оба там! Взрослые — обманщики! Говорили, что я их «драгоценное сокровище», а сами дождались, пока я усну, и подло сбежали. Тунь-тунь такой маленький, он занимает совсем мало места, почему нельзя было поспать посередине? Разве мы не одна семья? Тунь-тунь... Тунь-туню... так жалко себя... Уа-а-а-а!..

Точно, этот маленький «предок»!!! Открыв дверь, Линь Сань увидел на пороге ребенка, который уже весь зашелся в рыданиях, а его обычно шелковистые волосы спутались в колтуны. На красивом лице мужчины тут же проступило выражение запредельной вины. Это чувство, когда родители заняты «плохими делами» и их ловит ребенок... Честно говоря, это было чертовски неловко.

<http://bllate.org/book/16514/1504872>